

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Четвергъ, 23-го Января 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11854.

ОТВѢТЬ.

МАЛЕНЬКІЙ РАЗСКАЗЪ.

...Вы написали мнѣ:

„Прочла ваше письмо. Нѣ сколько строкъ и такъ сухо, дѣловито. Знаете, какъ я себя почувствовала? Будто подшла къ окну, разузоренному морозомъ; прижалась къ стекламъ, и стало холодно, холодно.

Въ другой разъ, прежде чѣмъ читать ваше письмо, буду одѣваться мою шубку, а на ноги ботики. Какой вы нехорошій. У, злой!“

Я улыбнулся: „У, злой!“— Шубка, ботики... Мнѣ безумно захотѣлось обнять васъ въ этой шубкѣ, найти среди мѣха ваши теплые губы и цѣловать, цѣловать...

Ну, можетъ быть, я уже не злой?

Сухое, дѣловитое письмо, но если бы вы знали, какія ласковыя слова жгли тогда мои губы, какъ вздрагивало перо въ рукѣ, какіе образы проносились предъ глазами!

Что такое письмо, эти холдные письменные знаки! Они мертвы, бессильны, они передаютъ короткую мысль, раскрываютъ крохотный уголокъ

Освященный 16 января въ Петербургѣ храмъ-памятникъ, построенный въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ.

души, а вся душа въ тѣни,— неизвѣстна, неоткрыта.

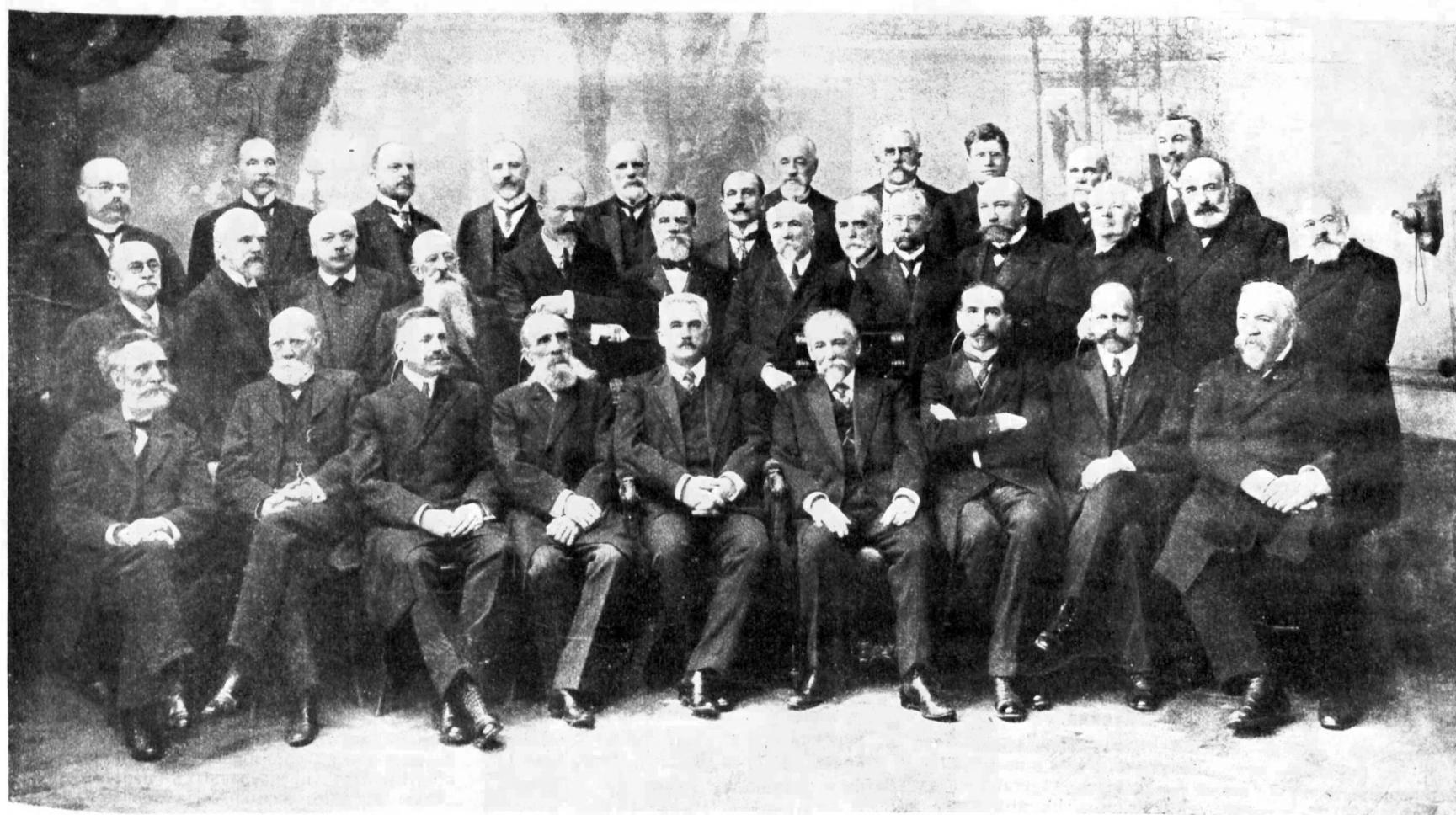
Вѣдь, когда пишешь,— живешь. Въ головѣ тысячи мыслей и образовъ, впечатлѣнія отъ сегодня и безчисленный рой воспоминаній. Сердце трепещетъ отъ противорѣчивыхъ желаній, воля раскалена, какъ желѣзо въ горнѣ.

Это такая яркая, широкая, многообразная и подлинная жизнь. Я говорю подлинная, потому что она вся полна трепета, потому что рядомъ съ сознательнымъ въ ней такая бездна безсознательныхъ движений, того, что мы до сихъ поръ опредѣляемъ такимъ короткимъ и слѣпымъ словомъ,— настроеніе.

И вотъ, на бумагу, въ видѣ мертвыхъ словъ, попадаетъ только маленькая, незначительная часть этой жизни, только контуры, отблески, едва уловимая тѣнь. Тутъ бессильно самое мощное перо.

Письмо—это только намекъ, только возможность догадываться, творить самому и медленно добираться до чужой души.

Поэтому письма надо писать только дорогимъ и близкимъ, тѣмъ, которые сумѣютъ сжи-

Группа предсѣдателей департаментовъ харьковской судебной палаты и членовъ палаты во главѣ со старшимъ предсѣдателемъ П. Ю. Лашкаревымъ и бывшими предсѣдателями департаментовъ Н. Н. Крестьяновымъ, А. Ф. Мейеномъ и Н. М. Федоровскимъ, назначенными сенаторами.

† Директ. геологическ. комитета академикъ
О. Н. Чернышевъ,

был. проф. и директоръ Горнаго Института, одинъ изъ крупнѣйшихъ міровыхъ и русскихъ ученыхъ, авторъ многочисленныхъ трудовъ по геологии и палеонтологии.

вить холодныя мертвыя буквы, уви-
дѣть за неподвижными, неизмѣнными
словами, увидѣть и почувствовать жи-
вой горячій трепетъ души.

Вотъ почему я всегда жалѣль и жа-
лѣю писателей, слово которыxъ идетъ
въ толпу. Вѣдь, тамъ не только отсут-
ствуетъ бережность, но даже иѣтъ
желанія раскрыть эту чужую душу.
Надо умѣть читать. Читать такъ, что
бы оживалъ въ строкахъ человѣкъ.
Только тогда авторы найдутъ свое
безсмертіе.

Такъ и теперь, моя свѣтлая радость,
— я пишу вамъ, — но почувствуйте же
мою жизньъ, мое сердце, мою грезу за
краткими безсмыслицами словами!

Вы правы,—наша любовь очень
страчная. Она—прекрасный матеріалъ
для романа.

Кажется, между нами помѣстился
кто то третій,—умный, интересный, но
все перепутывающій демонъ.

Впередиоку другъ пѣредъ дру-
гомъ, съ необычайнымъ искусствомъ,
мы стараемся показать одинъ другому,
что любви нѣтъ.

При встрѣчѣ со мной,—вы вяло и
небрежно здороваетесь, а потомъ ве-
дете себя такъ, точно я отсутствую.
Говорите скучное даже читаете или
исчезаете на полчаса. Да гиге мнѣ без-
различные взгляды, повидимому, ниче-
го не помните, ничего не чувствуете.
Въ такія минуты я самъ кажусь
себѣ не оригинальнымъ, разносторон-
нимъ человѣкомъ, человѣкомъ бого-
ской, красивой жизни, но маленьkimъ,

Лео Мехелинъ.

блѣднымъ, тусклымъ и неинтерес-
нымъ, какъ всѣ ваши сосѣди.

Тогда я начинаю мстить. Я говорю
обо всемъ, кромѣ нашей любви. Я
интересуюсь картинаами въ вашей ком-
натѣ, коврами, кошкой, новой книгой.
Совершенно не замѣчаю, когда вы
уходите, совершенно безразлично при-
нимаю ваше невниманіе.

Съ этого момента мы становимся
виртуозами въ своей лицемѣрной иг-
рѣ. Насъ обоихъ что то подстегиваетъ,

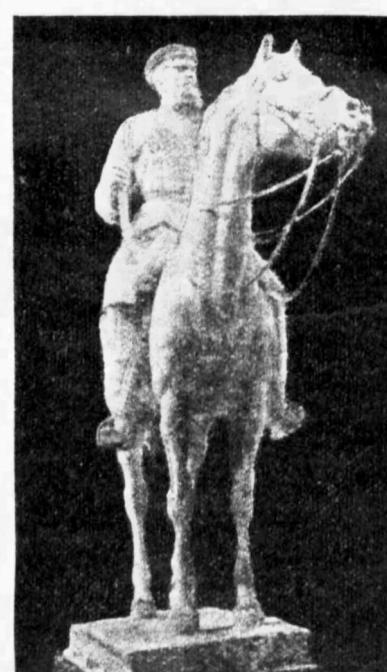
Памятникъ Великому Князю Николаю Николаевичу.

(Къ открытію).

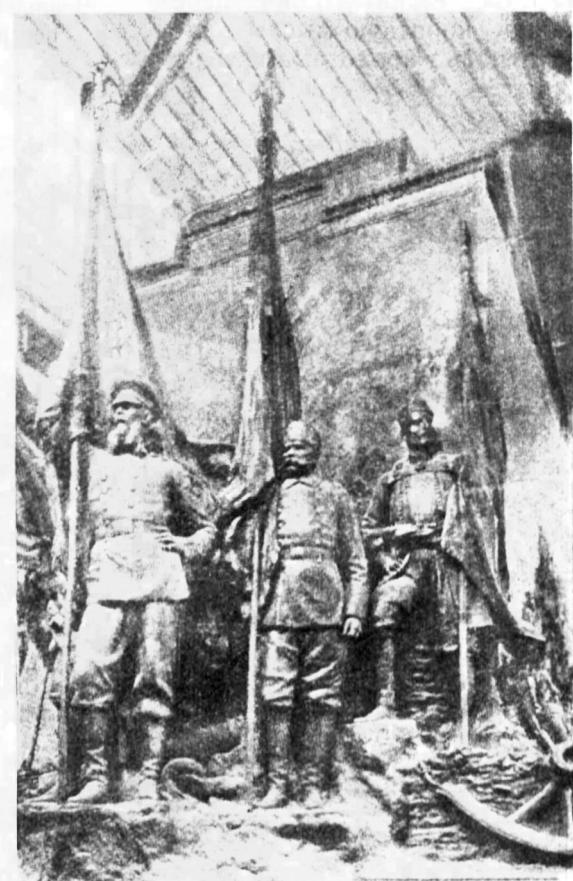
Группа сподвижниковъ Великаго Князя, находящаяся
у постамента памятника.

Въ центрѣ группы—Великій Князь Николай Никола-
евичъ; по правую руку Великаго Князя—наслѣдникъ
Цесаревичъ Великій Князь Александръ Александровичъ,
впослѣдствіи Императоръ Александръ III, командовав-
ший русскимъ отрядомъ, далѣе—покойный Вел. Кн.
Владимиръ Александровичъ, по лѣвую руку—румын-
скій король Карль и ген.-фельдмаршаль I. В. Гурко,
перешедший Балканы съ передовымъ отрядомъ, побѣ-
дитель турокъ при Горномъ-Дубникѣ.

Конная статуя памятника Авгу-
стѣйшему главнокомандующему
русской арміи въ русско-турецкую
войну 1877—78 г.г., генераль-
фельдмаршалу Великому Князю
Николаю Николаевичу.

Памятникъ сооруженъ по проек-
ту итальянского скульптора П.
Каноника въ Петербургѣ, на Ма-
нейской площади.

Группа знаменосцевъ съ тыльной стороны
памятника.

Она состоитъ изъ пяти знаменосцевъ, сим-
волизирующихъ образованіе четырехъ само-
стоятельныхъ православныхъ царствъ подъ
сенью русскаго знамени. На первомъ планѣ
знаменосецъ Русскій, затѣмъ Сербъ, Черно-
горецъ, Болгаринъ и Румынъ.

Председатель Высочайше учрежденного комитета по сооружению памятника Великому Князю Николаю Николаевичу, генерал-кав. Д. А. Скалонъ и итальянский скульпторъ Пьетро Каноника, авторъ проекта памятника.

подгоняется. Мы холодны, равнодушны, спокойны, чужие.

Вы говорите, что я люблю эту игру и первый ее начинаю. Мне же кажется, что это дело ваших рукъ.

Мы страдаемъ подъ этой маской. Каждый старается уловить другъ у друга въ словахъ, взглядахъ движениxъ, хоть мимолетный отгѣнокъ ласковости, теплоты или боли. Но не улавливаемъ,—вѣдь, мы виртуозы; нечаянно показать настоещее, значитъ, оказаться побѣженнымъ.

Но вдругъ прорвется.

Или я крикну вамъ:

— Мне душно въ этой комнатѣ! Вы каменная.

Или вы вдругъ обовьете мою шею руками и злобно сожмете горло.

Тогда я радуюсь: „Зашлись, потому, что возмущена мою холодностью, потому что полумала,—не любить. Значить, любишь, любишь!“

Въ такихъ случаяхъ сразу падаетъ злая стѣна, и избытокъ нѣжности и признаний мы словно стараемся вознаградить себя за потерянные дни.

Опытъ не съучитъ. При каждой новой встречѣ мы снова умудряемся обмануть другъ друга, мучить и пытать. И цѣлыя недѣли иногда уходять на эту злую игру. Но никто не хѣчегъ утупить, первый сдается и раскрываетъ свой затаенный восторгъ.

А, можетъ быть, въ этой игрѣ—нашѣ особое, мучительное и ослѣпительное счастье? И все-таки я благословляю нашу любовь.

Помните, я какъ то сказалъ:

— Ваша холодность меня не обманетъ. Вы даже не смотрите на меня, но я чувствую, что ваше сердце обливается кровью.

Вы отвѣтили смѣхомъ и постарались сдѣлаться еще болѣе злой и равнодушной.

Теперь вы можете сказать мнѣ:

— Меня не обмануло ваше сухое письмо, знаю какъ горѣло ваше сердце. Но я не засмѣюсь. Я скажу: „вы правы“. Я только прятался, а сейчасъ не хочу болѣе маски.

Вы мой день, и моя радость, и маленький храмъ, куда душа моя укрывается отъ злой непогоды.

Я ломаю мою гордость и мое самолюбіе,—первый иду навстрѣчу, первый срываю маску, не смущаюсь опуститься къ вашимъ ногамъ, цѣловать ваши колѣни, ваши упавшія руки, ваше платье, голубую подушку, на которую ложились ваши туфельки.

Послѣ господства и холоднаго смѣха, который такъ до го терзалъ васъ,—для меня даже особенно сладка эта покорность, это обожаніе, эта колѣнопреклоненная молитва.

Взглядите въ мои глаза,—они не холодны, но молятся.

Вслушайтесь въ мои слова—они не колятъ, но подобны нѣжному бѣлому шелку, которымъ васъ всю я хочу окутать.

Посмотрите на мои руки,—онѣ не грубы и неловки, но трепещутъ отъ нѣжности, съ молчаливой лаской касаются вашихъ волосъ, вашихъ плечъ, вашихъ рукъ. Тихо и бережно, какъ весеннее дуновеніе вѣтра.

Я люблю васъ.

Цыганка Саша Степанова,

раненая поручикомъ Колзаковымъ въ московскомъ ресторанѣ «Самарканда».

И не нужно вамъ одѣвать шубку и на ноги ботики.

Сегодня мое письмо не холодное окно, разузоренное морозомъ, но свѣтлая, теплая комната. Все въ ней отдано пухомъ, подушки, ковры, чтобы никогда вы не могли зашибить свою маленькую ручку, не наступили на твердое, чтобы все вокругъ васъ было мягкимъ, лающимъ, теплымъ, влюбленнымъ въ каждое ваше движение, каждое ваше прикосновеніе.

Я люблю васъ.

И если вы будете хотеть, смотрѣть холодными глазами, тушить улыбку, воровать и травить созрѣвшіе для меня поцѣлуи,—я осганусь такимъ же нѣжчымъ, такимъ же преданнымъ, отдающемся на вашу волю, и буду повторять только эти слова:

„Люблю васъ“.

Фениксъ.

Г. Баровъ въ роли царя Федора Ioannovicha.

СМѢСЬ.

Музей эротической литературы.

Національная библіотека въ Парижѣ обладаетъ, подобно Ватикану, замѣтной коллекціей эротической литературы. Судьба этой коллекціи довольно любопытна. Въ свое время она, по приказанию первого консула, подѣжала уничтоженію. Но въ то время, какъ подобная коллекція, хранившаяся въ библіотекѣ арсенала, действительно, была сожжена, собраніе въ национальной библіотекѣ удалось спасти. Часть этой заслуги нужно отнести за счетъ аббата Грегуара, много хлопотавшаго о томъ,

ПОСЛѢДНІЯ МОДЫ.

Платье изъ чернаго бархата—супль.

Вечернее платье.

Платье для вечеровъ и обѣдовъ.

чтобы упрятать эту литературу въ библиотекъ далеко отъ человѣческихъ взоровъ. Въ теченіе 19 вѣка собраніе эротическихъ произведеній все обогащалось за счетъ изъятыхъ властями изъ обращенія книгъ. Число названій увеличивалось сотнями изданныхъ на многихъ языкахъ книгъ, среди которыхъ попадалось много рѣдкихъ первоначальныхъ изданій. Во французскомъ отдѣлѣ этого грѣхознаго хранилища имѣется интересное произведеніе, относящееся къ 1837 г., гдѣ подробно описаны любовныя похожденія Баирона. Другими рѣдкостями является маленькая книжка Теофіля Готье „Lettres à la présidente“, не попавшая въ собраніе его сочиненій, произведенія П. Верлена и Беранже.

Величайшій въ мірѣ городъ.

Американцы давно отличаются своимъ пристрастиемъ ко всему грандиозному, огромному. Домъ въ 14 этажей уже не удовлетворяетъ американцевъ, и они строятъ небоскрѣбы въ 30, 40, наконецъ, 52 этажа, т. е. такие, какіе и не снитись старой Европѣ.

Теперь американское тщеславіе получило новое удовлетвореніе—Нью Йоркъ долженъ быть признанъ величайшимъ городомъ въ мірѣ—населеніе его доходитъ до 5.476.966 человѣкъ, а въ Лондонѣ, имѣвшемъ до сихъ поръ пальму

первенства, насчитывается всего 4.521.685 человѣкъ. Таксы даныя американской статистики. Англійскіе статистики считаютъ и-аче и утверждаютъ, что Лондонъ, какъ былъ, такъ и остался величайшимъ городомъ въ мірѣ, такъ какъ въ немъ вмѣстѣ съ его пригородами, населеніе которыхъ тѣснѣйшимъ образомъ связано съ лондонской жизнью, насчитывается 7.411.883 человѣка, т.-е. на 2 миллиона больше, чѣмъ въ Нью-Йоркѣ. Что касается абсолютныхъ чиселъ, старая Европа, несомнѣнно, продолжаетъ быть на первомъ мѣстѣ. Но зато если принять во вниманіе относительный ростъ этихъ чиселъ, первенство должно быть отдано Новому Свѣту: вѣдь, гигантъ Нью Йоркъ совсѣмъ молодъ—въ 1801 г. въ немъ насчитывалось всего 50.000 жителей.

Кто изобрѣлъ карманные часы?

Въ сдѣломъ ин странномъ журналѣ былъ поднятъ любопытный вопросъ о томъ, кто изобрѣлъ карманные часы. До сихъ поръ изобрѣтателемъ ихъ считался молодой нюренбергскій часовщикъ Генлейнъ, жившій въ началѣ XVI вѣка. На-дѣялъ французскій ученый Девелль документально доказалъ, что часы до Генлейна были изобрѣты Жюлемъ Кудрѣ, французомъ, придворнымъ часовщикомъ короля Людовика XII. По сло-

вамъ Девелля, Жюль Кудрѣ, въ 1518 году преподнесъ королю двѣ драгоценныя шпаги, въ рукоятки которыхъ были вѣланы часы, осыпанные драгоценными камнями. Объ этомъ свидѣтельствуетъ приложенное къ тоднѣшнѣю лѣсмъ съ упомянутой датой. Въ то время центромъ часового производства былъ маленький французскій городокъ Блуа, а лучшимъ мастеромъ этого дѣла считался Жюль Кудрѣ. Впрочемъ, карманные часы были известны и въ серединѣ XV столѣтія, т. е. на 50 лѣтъ раньше изобрѣтенія ихъ Генлейномъ и Кудрѣ, но они были такъ велики и тяжелы, что ихъ невозможно было носить въ карманѣ платья. Тогда же были известны такъ называемые „счетчики времени“, которые конструировались на томъ же принципѣ, что и обыкновенные часы, но безъ камней и пружинъ. Эти „счетчики времени“ походили на солнечные часы, такъ какъ циферблать ихъ былъ раздѣленъ на мѣсяцы. Часы эти длиною въ 10 сант. и шириной въ 7 сант. сохранились до нашихъ дней въ музѣи Неаполя. Они были достаточно малы и ихъ свободно носили въ карманахъ тоги.

